

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Анастасия СОЛОВЬЕВА

В ПОИСКАХ
УТРАЧЕННОЙ
ВЛИЗОСТИ

Анастасия Соловьева

В поисках утраченной близости

«Центрполиграф»

2008

Соловьева А.

В поисках утраченной близости / А. Соловьева —
«Центрполиграф», 2008

Когда Ирина встретила Степана Давликанова, она поняла, как ей повезло. Стив был просто мужчиной ее мечты. Но счастье оказалось недолгим. После дикой сцены, которую устроила в его присутствии двоюродная сестра Даша, Стив сбежал. Между влюбленными выросла стена непонимания, холодности и недоверия. Пытаясь пережить душевную травму, Ирина замкнулась в себе. Из состояния апатии ее вывел визит тетушки, пожелавшей отписать племяннице дачу. Наследство неожиданно связало судьбу Ирины и ее бывшего возлюбленного в один узел.

© Соловьева А., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анастасия Соловьева

В поисках утраченной близости

*Сонм белых девочек! Прелестный сонм
Великих маленьких княжон...*
Марина Цветаева

Глава 1

Дом находился в конце Арбата. Я вспомнила – и в самом деле там есть такой: шести-этажный, серый, с башенками и узкими арочными окнами. Дом стилизованный под замок феода... Доходный дом 10-х годов XX века, построенный перед Первой мировой войной или, может, в самом ее начале...

В квартирах – прямые длинные коридоры и белые филенчатые двери с медными ручками. За белой дверью моя подруга Светка. В сером под горло свитере, русые волосы небрежно собраны в узел. А глаза покрасневшие, мокрые.

– Мама больше не любит меня!..

– Быть этого не может!

Обожаемая родителями, я даже во сне не могу вообразить такого.

– Не любит... – горько жалуется Светка. – У нее теперь другие девочки...

– Что ты!.. Ты что?!

Я делаю беспомощное движение руками, словно хочу отмахнуться от Светкиных слов, как от кошмарного бреда. Но Светка уже тянет меня через коридор к другой, но такой же белой филенчатой двери, за которой я вижу нарядную даму с высокой прической и в кружевной шали, окруженную стайкой миленьких девочек. Хорошенькие личики в ореоле пепельных локонов, шелковые платица, кружева...

– Смотри, – шепчет Светка, кивая на красивую, но чуть расплывшуюся под кружевной шалью фигуру дамы. – Сейчас их четыре, а скоро будет еще одна. И тогда... меня, скорее всего, прогонят из дома.

– Нет, Света, нет! – воскликнула я, захлебываясь жалостью. – Да чтобы мать выгнала из дома родную дочь – быть этого не может!..

– Ши-и-и! – шикнула на меня Светка, а красивая дама и девочки укоризненно посмотрели в мою сторону.

Сон под их неодобрительными взглядами быстренько растаял.

Я протерла глаза, оглядела спальню, но видела по-прежнему девочек – румяные щечки, застывшие в удивлении серые миндалевидные глазки, белые воротнички...

– Все-таки хорошо, что девочки приснились, – решила я, проснувшись окончательно. – Девочки снятся, как известно, к диву, а мальчики, наоборот, к маете. Уже плюс, что мне приснились не мальчики, а девочки.

Диво, диво... Какое же диво может случиться в моей небогатой событиями жизни?... Только одно – сегодня мне непременно позвонит Стив, то есть, я хотела сказать, Степан Владимирович Давликанов¹.

Или – это не диво? Диво – это что-то фантастическое, непредсказуемое. А Давликанов и без того звонит мне иногда, назначает встречи и дарит цветы. Правда, держится он при этом так, как будто я пожилая учительница или подруга его престарелой матери, а он юноша из

---

¹ Истории отношений героев посвящен роман А. Соловьевой «Московская история».

хорошей семьи – почтительный, внимательный, галантный. Мы ходим в театры, на концерты, изредка ужинаем в ресторанах. Не позже одиннадцати он привозит меня домой и никогда не делает поползновений подняться со мной в квартиру. А вдруг сегодня сработает иной сценарий – и это станет настоящим дивом?..

На дальнейшие раздумья о дивах и чудесах у меня банально не оставалось времени. Нужно было вставать и в темпе собираться на работу. В издательстве «Иероглиф», где в течение последних десяти месяцев я служу в должности консультанта, рабочий день начинается в десять часов.

Консультант... Странное довольно-таки название! На работе я неустанно с пеной у рта доказываю преимущества учебников английского, изданных «Иероглифом». Навязываю... убеждаю... заклинаю! Ну разве такую форму общения с клиентами можно считать консультацией? Прессинг – вот как это называется в политкорректных выражениях. А на жаргоне – просто грузилово.

Для работы консультантом необходима грамотная речь и располагающая внешность. С речью поначалу были проблемы. Я стыдилась рекламировать скучные, морально устаревшие, бессистемные учебники «Иероглифа», жалась и мямлила. Зато речевые недостатки с лихвой компенсировались доверительной белозубой улыбкой, приятными манерами и теплым взглядом выразительных серых глаз. В элегантном деловом костюме, с природными ярко-рыжими до плеч волосами, я могла бы стать рекламным лицом и более серьезной компании, а не каким-нибудь жалким консультантом неизвестного издательства «Иероглиф». И даже мой возраст (тридцать семь лет) был только на руку в вопросах рекламы. Клиенты чувствовали: эта женщина отвечает за свои слова, она достаточно уже пожила на свете, чтобы познать толк в учебниках английского языка.

Стремясь сохранить белозубую улыбку, я каждое утро чищу зубы электрической щеткой, а вокруг глаз тонким слоем накладываю омолаживающий гель. Через несколько минут удаляю излишки геля специальной салфеткой и обвожу контуры глаз коричневым, синим или зеленым карандашом. В зависимости от того, что я собираюсь надеть сегодня.

Сейчас середина марта, но ртутный столбик на градуснике упорно не желает подниматься выше отметки минус десять. Поэтому одеваться приходится по-прежнему в зимнее. Я извлекаю из шкафа ржаво-коричневый костюм из шерстяного букле – приталенный маленький жакет и прямую до колена юбку. Теплый, мягкий, уютный, но в то же время красивый и элегантный костюм. Я купила его год назад, в начале нашего со Стивом романа.

Память безжалостно подсовывает мне картинки нашего объяснения, смелых откровений и страстных поцелуев, но я оказываюсь хитрее памяти. Не захочу вспоминать – и не буду. Лучше основательно макияжем займусь. Ведь мое лицо – не только мое, но еще и визитная карточка «Иероглифа».

Увы, увы... Процедура макияжа не требует от меня никаких усилий. Я крашусь каждое утро и давно делаю это на автопилоте. Только воспоминаниям все равно не заставить меня врасплох. И что они ко мне привязались, эти воспоминания?... Ах да – сон! Несчастливая, заплаканная Светка... Может, дело-то не в чудесах, а в том, что мою подругу ждут неприятности. А может, и не ждут. Может, они уже обрушились ей на голову?

Могу ли я чем-нибудь помочь ей? Нет, не могу, скорее всего. Дело в том, что моя Светка – настоящая акула капитализма – глава киевского отделения «Холдинвестбанка». Мы с ней, как говорится, в разных весовых категориях.

Что же касается личного, то и здесь я тоже помочь бессильна. Нынешний Светкин муж испытывает к ней такие чувства, которые мужчины обычно переживают накануне первого свидания. Но кроме мужа в жизни моей подруги имеется еще один человек, ставший для Светки источником всевозможных неприятностей и даже страданий. Вполне возможно, что и на этот раз Кирилл выкинул очередной фортель и Светка действительно сидит теперь с мокрыми гла-

зами и покрасневшим, распухшим носиком. Если бы мои слова могли хоть что-нибудь изменить, я бы доверительно шепнула Кириллу: «Пошел вон из Светкиной жизни!» Такой исход событий представляется мне наиболее разумным.

Увы, только мне, но не самой Светке. Она быстрой и счастливой развязке предпочитает многолетние страдания. В чем тут дело? Просто моя подруга – обыкновенная русская женщина.

Я покончила с макияжем, быстро выпила кофе и порулила на своей желтенькой «дэу» по направлению к издательству.

...Почему же обязательно Давликанов? Дивом может стать ДТП, или невиданных масштабов пробка на Каменном мосту, или поломка автомобиля. Почему же обязательно диво со знаком плюс? Вот, например, на прошлой неделе у меня в машине ни с того ни с сего заклинило сигнализацию. Скажете, ерунда?! А сигнализация блокировала зажигание, и «дэу» наотрез отказывалась везти меня в «Иероглиф». В результате я опоздала на работу и получила сдержанный выговор от начальницы Анны Игоревны.

Вообще-то на ее выговоры мне глубоко плевать. Работу я свою не люблю, считаю скучной, не приносящей никому ни малейшей пользы, а уж если совсем честно – просто-напросто вредной.

Ну вот допустим, в некоем учебном заведении решили ввести новую дисциплину – английский язык. За учебниками обратились в издательство «Иероглиф» и таким образом неизбежно попали в мой кабинет. Я – в силу служебной необходимости – начинаю тараторить:

– Берите, хватайте учебнички! Новые-кленовые, с пылу с жару, пальчики оближешь!! Так понравится – еще прибежите!

Не совсем так, конечно, но вы, я надеюсь, уловили интонацию. Клиенты, замороженные моей бойкостью, покупают из рук вон плохие учебники «Иероглифа» и приступают к учебному процессу. Соответственно и сам процесс организуется у них из рук вон плохо. Учащиеся без толку тратят деньги, время и энергию. Преподаватели – время и энергию. Зато они зарабатывают деньги, возразите вы. Но я вам отвечу: эти деньги в любую минуту с них могут стребовать через суд. Курс прослушан – результаты нулевые. И не у какого-нибудь отдельно взятого Сидорова или Петрова, а у целой группы. И тогда разразится громкий скандал. И преподы будут уже не рады, что задаром получали денежки.

Однако скандала может и не случиться. Просто Петровы, Сидоровы и иже с ними получают свои липовые корочки об окончании курсов английского языка и покинут учебное заведение несолоно хлебавши. И всем: и преподам, и студентам – будет абсолютно ясно, что в корочках написана чистейшей воды неправда. Петровы и Сидоровы подкопят деньжат и направятся на поиски других языковых школ. А преподы, не дай бог, уверуют в безнаказанность лжи, что может стать началом или продолжением их морального падения. Я вам без иронии говорю, нет на свете ничего страшнее и хуже! А зло при этом, как вы поняли, уходит корнями в издательство «Иероглиф» и конкретно в мой кабинет.

Но тем не менее я продолжаю ходить на работу. Я делаю это, во-первых, чтобы не сдохнуть с голоду, а во-вторых, чтобы не огорчать Светку. В тяжелую минуту, в момент моего персонального апокалипсиса, Светка с таким бесстрашием и упорством боролась за мою жизнь!.. Трудоустройство в «Иероглиф» стало частью Светкиной программы моего возрождения и социальной реабилитации. К тому же Светка искренне верит, что должность консультанта в «Иероглифе» на двести процентов, идеально подходит мне.

– Вид у тебя, Алка, пока еще товарный. На учебниках английского ты съела собаку. И потом – каждый день новые люди, новые встречи!.. Глядишь, познакомишься с кем, – неуверенно прибавляет она всякий раз.

Но я предпочитаю эту тему не развивать.

Кроме туманной возможности с кем-то познакомиться работа в издательстве имеет для меня еще некоторые очевидные преимущества. Тот факт, что моим трудоустройством занималась лично Светка (для прочих Светлана Михайловна Ильина), заставляет издательское начальство держаться со мной весьма почтительно. «Холдинвестбанк» спонсирует «Иероглиф», поэтому даже выговоры за опоздания я получаю в деликатной, если не сказать мягкой, форме. Хотя опаздывать на работу мне, конечно, грех – живу я в десяти минутах езды от издательства. Моя родная Космодамианская набережная расположена в нескольких кварталах от Каменного моста. Через мост выезжаем на Боровицкую, минуем Манежную, едем по Тверской и тормозим у Пушкинской площади. Не дорога, а сказка, одним словом.

На работе я окончательно забываю про сон. Как вы уже поняли, моя работа – это совсем не из сферы чудесного. Однообразие, скука, рутина.

В двенадцать – совещание у Анны Игоревны.

...В апреле нам предстоит участие в выставке «Учебник иностранного языка – 2009». Выставка – прекрасная возможность прорекламировать наши новые издания... Во что бы то ни стало мы должны показать товар лицом. Подготовить аннотации не позднее тридцатого марта! Срочно продумать дизайн стенда! Приступить к тренингу девушек, приглашенных специально для выставочной работы...

Слава богу, дизайн стенда меня не касается. А вот аннотации и девушки – мое, это уж точно. Девушки являются в половине седьмого, за пятнадцать минут до официального окончания рабочего дня. Я узнаю их: нежные, румяные личики, серые глазки с поволокой, локоны, челки...

– Вы раньше работали на стендах?

– Нет.

– А что вас в издательство привело?

– Подработать решили.

– А вы вообще-то чем занимаетесь?

– Студентки.

– Филологи?

– Экологи.

– Интересно... И кем же вы будете, когда закончите институт?

– Не знаем еще. У нас специализация начнется после третьего курса. Можно на менеджера пойти, можно на инженера. На инженера-эколога.

– А что за работа?

– Да мы как-то не интересовались пока...

– Ну хорошо, а как у вас с иностранными языками?

– Читаем со словарем, – реагирует самая сообразительная.

Остальные весело прыскают:

– Это, может, она читает...

Я сворачиваю вводную часть беседы и начинаю говорить по существу. У девочек постепенно расширяются глаза.

– Мы не ожидали такого...

– Уже поздно, мы после трех пар, устали – не врубаемся...

– Надо было сразу записывать. Мы прослушали, упустили момент...

Выходит, я напрасно распиналась перед ними целых полчаса!.. Мы договариваемся о следующей встрече в десять часов во вторник и прощаемся, к нескрываемому облегчению обеих сторон...

...Вот вам и диво – сегодня я на целый час задержалась на работе. Значит, сон уже исполнился, и Давликанов мне сегодня не позвонит.

Однако чудеса решительно не хотели оставить меня в покое. И даже поздним вечером, когда я, отужинав, пыталась выудить что-то приемлемое из телевизионных каналов. Как и ожидалось, для проникновения в мой дом чудо воспользовалось телефонным кабелем. Но, к сожалению, это был не Стив. Это была тетя Ира – сестра моего покойного отца.

– Алла, я давно хочу спросить у тебя: почему ты не едешь на дачу? – с места в карьер выпалила тетка.

– Потому что у меня ее нет, – отвечаю я, лениво потягиваясь в кресле. – Еще не приобрела – не успела.

– Нет? – переспрашивает тетя Ира. – Ну это ты напрасно. Отчего же нет? А Холщево? Холщево!.. Ну дает тетя Ира!

Когда-то огромный участок в подмосковном Холщеве получил за боевые заслуги мой дед, генерал-лейтенант – участник штурма Кенигсберга, Берлина и других менее громких боевых операций Великой Отечественной войны. В центре участка пленные немцы выстроили двухэтажный каменный особняк, у входа разбили цветочные клумбы, а за домом высадили настоящую вишневую рощу. От раннего-раннего детства осталось смутное воспоминание – переезд на дачу. Корзины, картины, картонки, радость и суета...

Собственно, с дачей у меня было связано именно раннее детство. Когда я стала постарше, родители начали брать меня с собой на курорты. Мне вполне хватало месяца, проведенного в Сочи или на Куршской Косе, а дачная жизнь понемногу начинала казаться скучной.

К тому же дачу не слишком жаловала моя мама. Родители отца считали их брак неравным и на маму посматривали чуть сверху вниз. Зато тетя Ира и ее дочка Дашка каждое лето проводили в Холщеве. С мужем моя тетка тогда уже развелась, денег для поездок к морю у нее порой не хватало, и дедушкин особняк в вишневой роще здорово их выручал.

Нет ничего удивительного в том, что после смерти бабушки и деда дачу унаследовала тетка. По крайней мере, все члены семьи совершенно естественно восприняли этот факт. Мой отец и так всего добился. А тетя Ира – ни на работе, ни в личной жизни...

– Приезжайте на дачу, – многократно приглашала нас тетка.

Я в те времена заканчивала школу и совершенно искренне считала, что проведение времени с предками на даче просто-напросто ниже моего достоинства. Потом я вышла замуж за Роджера Стейна и уехала в Юго-Восточную Англию. А моя кузина Даша тоже как раз вышла замуж и родила дочь Женечку. Где лучше всего проводить лето с маленьким ребенком? Понятное дело – на даче. Женя и другая Дашина дочь, Таня, выросли в Холщеве и по праву считали дачу своей. Про Дашку и говорить нечего – на даче прошла вся ее сознательная и бессознательная жизнь.

И вдруг ни к селу ни к городу в Холщеве объявлюсь я. Отношения с Дашкой у нас, мягко говоря, напряженные. И не так еще с Дашкой, как с ее мужем Вовой. Тетя Ира и сама Вовку терпеть не может. Зачем мне усложнять и без того сложную семейную ситуацию? Мешаться там у них под ногами?..

Нет, только не дача, только не Холщево! Тетя просто чудит на старости лет. Вот оно чудо!

– Помнишь, Аллочка, там на самом краю участка, – невозмутимо продолжала тетка, – сторожка была? Сруб бревенчатый, пять на пять или пять на шесть. За вишневой рощей... Не помнишь?

Ну действительно, была там сторожка, и в ней жил сторож. Мама говорила, что во время войны он был дедушкиным шофером.

– Вот, эта сторожка и к ней участок земли соток десять – вот тебе и будет дачка.

– Что это ты надумала, тетя Ир?

– Ничего. К смерти готовлюсь.

– Брось! Как не стыдно только?!

– Ты же знаешь, зимой у меня случился инсульт.

– Был да сплыл! Прошел без последствий. Осталась жива-здорова. А скоро уже на дачу...

Я говорила с фамильным оптимизмом – обычно таким тоном я общаюсь к клиентам «Иероглифа». Но в отличие от них тетя Ира не пожелала прислушиваться к моим словам.

– Я и землю на кладбище уже приобрела, и памятник заказала.

– Как это – памятник?

– Гранитный камень. На нем написано: «Ермакова Ирина Сергеевна», и год рождения мой там указан. А год смерти пусть они поставят. Четыреста рублей им это будет стоить, из расчета сто рублей знак.

– Не знаю... Ну зачем, для чего ты такое устраиваешь?

– А то выбросят они меня... А деньги потратят. Вова знает, как тратить деньги!

При всей моей антипатии к Вове замечу, что он не пьет, не курит, не имеет содержания и пристрастия к роскоши. Спокойно существовать на свете ему мешают лишь его собственные честолюбивые амбиции. Вове не нужно денег вообще – он жаждет зарабатывать их собственноручно, как это делает его жена Дашка – хозяйка дорогой ветеринарной клиники.

Однажды, окончательно потеряв надежду заработать законным образом, Вова решился переступить грань закона и в качестве жертвы избрал меня – генеральскую дочь, вернувшуюся после развода из-за границы. Совершенно неожиданно я оказалась на высоте и сумела дать отпор Вове и его негодяю родственнику, который тоже принимал в криминальной операции активное участие. Единственное, что оставалось потерпевшему фиаско преступнику, – это настроить Дашку против меня. И он в долгу не остался...

– Не нужны, тетя Ира, им твои деньги. Даша хорошо зарабатывает. И потом, для нее отдать последний долг матери...

– Вот и тебе будет от меня дачка. Хочу все по справедливости сделать. Завтра к нотариусу пойдем.

– Не пойду я ни к какому нотариусу! – как могла отбивалась я. – Некогда мне ходить. И дача мне совсем ни к чему!

– А ты не обижайся! Скажешь, Дашке двухэтажный каменный дом, а тебе маленькую сторожку? Так народу-то их сколько! Дашка, Вова, Женька и парень ее – Максим... И Танечка еще. Дом старый уже, его ремонтировать надо. А где у тебя деньги?

– Точно! Денег у меня нет. Я и сторожку-то эту не потяну. И время в дефиците.

– А ты можешь и не ходить к нотариусу! Скажи мне только твои паспортные данные... Ну вот и славно. А то все как-то не по-людски, ты ведь родственница, внучка...

– Ну пока, тетя Ир, – перебиваю я ее бормотание. От разговоров про родство мне почему-то делается неловко. – Время позднее – мне завтра на работу.

– Давай, – соглашается тетя Ира. – Я, как все оформлю, тебе еще звякну.

Засыпая, я думаю о том, как приятно тете Ире чувствовать себя благодетельницей. Делать дорогие подарки, творить чудеса. Тоже мне волшебница нашлась, фея!.. Только не стоит ей обольщаться: никаких дарственных мне от нее не нужно. Я и сама приплатить согласна, только бы быть подальше от Дашки и от Вовы. От Вовы и от Дашки... Даже не знаю, чье имя страшнее звучит для меня.

Глава 2

В «Иероглифе» ликовали. Казалось, выставка превзошла все, даже самые смелые, ожидания нашего руководства. За неделю работы было подписано несколько выгодных контрактов, в том числе два на довольно крупные суммы. Анна Игоревна едва успевала приглашать за стол переговоров заинтересованных посетителей. А уж мои девочки щебетали ласточками, заливались соловьями и настырно кричали сороками. Они быстро научились распознавать клиента.

Сотрудников, особо отличившихся на выставке, администрация издательства пригласила на радости в ресторан. Стоял пасмурный апрельский день, но я, продолжая тосковать по диву, нарядилась в настоящее вечернее платье. Черный декольтированный верх и пышная шелковая юбка, из-под которой трогательно выглядывало тоненькое белое кружево. Дива, как вы помните, так и не случилось – ведь нельзя же, в самом деле, считать дивом всякие несурезности, вроде дачного предложения тети Иры.

В ресторане было красиво, уютно и как-то особенно празднично. И даже наш хмурый, вечно недовольный директор говорил в тот вечер какие-то простые, но очень хорошие и нужные всем слова. Анна Игоревна приветливо улыбалась, и мы чувствовали себя легко и непринужденно...

Но постепенно веселье стало сходить на убыль – гости начали покидать ресторан. За Анной Игоревной приехал на лимузине муж, за Вероникой, моей коллегой-француженкой, – жених, маркетолога Людмилу Константиновну повезла домой дочка. А мне, подвыпившей и размышлявшей, не оставалось ничего другого, как усестись за руль собственной персоной. Ехать, в общем, было недалеко, но дорожное напряжение быстро поглотило, уничтожило дурман праздника.

Из машины вышла уже совсем другая – усталая, грустная, абсолютно трезвая женщина. В юбке а-ля императрица Екатерина, на чрезмерно высоких каблуках, в норковой накидке в середине апреле... Смешная. Одинокая. А на улице так предательски волнующе пахнет весной. И так хочется... Господи, ну это же обычные – извечные – женские желания. Куда деваться от них?

Щелкнув сигнализацией, я пересекла кареобразное пространство двора и вышла на набережную.

Почему-то Стив всегда останавливает здесь свой автомобиль. Теперь-то понятно – заезжать во двор для него лишние хлопоты. Он ждет, пока я выйду из машины, и дальше продолжает путь по набережной к Каменному мосту. Ну а раньше – почему? Да просто так, по привычке. И в тот последний вечер он тоже оставил машину на набережной...

Но неужели и вправду было такое время? Мы со Стивом, как два подростка, сидели в машине и не могли оторваться друг от друга. В отличие от подростков в нашем распоряжении была трехкомнатная квартира, но мы все равно не могли... Тогда-то он и сказал: «Выходи за меня замуж», но я различала его слова как в тумане, поглощенная той сладкой невозможностью.

Потом, уже после всего, в спальне, он спросил:

– Почему ты не отвечаешь? Ты согласна?

– На что? – удивилась я.

– Быть моей женой.

Мне показалось, он немного обиделся – так долго раздумывала я над вопросом. Но что мне оставалось делать? Я в тот вечер была совсем как зачарованная. Не официальным предложением и не бурным сексом. Я чувствовала, что встретила с мечтой...

Тогда тоже стоял апрель. Нежный, сырой... И впереди у нас было еще несколько счастливых часов. Бесценных часов вместе. Но уже следующим вечером мой Стив навсегда оставил меня.

«Значит, я просто разминулась со своей мечтой, – подумала я, безучастно глядя на желтые окна высотного дома, опрокинутого в темную воду Москвы-реки. – Ведь тот Стив, который теперь навещает меня время от времени, так мало похож на человека мечты... Когда я думаю о нем в одиночестве, мне хочется броситься ему на шею, рассказать о своей тоске. Но Стив реальный совсем не вызывает таких желаний. Мы вежливо говорим о погоде, о достоинствах и недостатках спектакля или концерта. И когда он уезжает, я испытываю почти облегчение. А через некоторое время меня снова начинает тянуть к нему. Его ли подменили? Меня?.. Или...»

Зазвонил, точнее, звякнул мобильный телефон. Мне нравился этот звук – звон медных монеток в копилке. Было в этом тихом, слабом звуке что-то детски трогательное, похожее на смутное, до конца не пробудившееся воспоминание. Несмотря на минорный настрой, я улыбнулась.

– Да?..

В трубке молчали.

– Говорите!

– Алла, – я сейчас же узнала голос Дашки – моей двоюродной сестры, – это Дарья, – казалось, она бы с удовольствием добавила: Эдвардовна – таким напряженным, почти официальным был ее голос.

– И что тебе надо, Дарья? – усмехнулась в ответ я.

– Я тебе звоню по поручению матери. Вчера ее увезли в больницу, снова инсульт подозревали... Не важно, в общем...

– Как это – не важно?! Тетя Ира в больнице? Я должна ее навестить, поговорить с лечащим врачом...

– Не беспокойся! – перебила Дашка. – Инсульта у нее нет, уход и все такое мы обеспечили. Но если ты так уж хочешь... – Она назвала номер больницы и отделение.

Я чувствовала, что к разговору Дашка подготовилась с присущей ей серьезностью, и даже маленький сбой в намеченной схеме неприятно на нее подействовал. Моя кузина запнулась.

– Завтра я навещу тетю Иру, – больше для поддержания разговора сообщила я.

– Дело твое. Мать просила передать тебе, что сегодня в четырнадцать тридцать нотариус Никоэлян Джульетта Саркисовна оформила дарственную на твое имя.

– Дарственную на что?

– На дачу. Свой экземпляр документа ты можешь забрать в нотариальной конторе по адресу: город Дубровск, улица Космонавта Волкова...

Про себя я автоматически отметила: запоминать название улицы совершенно не обязательно. Достаточно не забыть фамилию нотариуса – в Дубровске наверняка одна нотариальная контора.

– Ты поняла?

– Про нотариуса?

– Про дачу.

– Про какую дачу?

– Хватит придуряться! – рявкнула Дашка. – Дача в поселке Холщево! Дом бревенчатый пять на шесть на участке в десять соток! – И все – из трубки полетели короткие отрывистые гудки.

Не нужна мне никакая дача!

А может, нужна все-таки?.. Дачу можно, например, продать и тем самым немного скрасить мое унылое существование на четыреста долларов в месяц. Светка называет мой образ жизни позолоченной бедностью: у меня большая квартира в центре, дорогие вещи и укра-

шения, а в кошельке – три копейки. Труд консультанта по нашим временам, увы, не самый высокооплачиваемый. И никаких перспектив изменить ситуацию с финансами в обозримом будущем у меня нет. Можно, конечно, поискать приработков – набрать частных учеников и переводов (я по специальности переводчица). Но тогда у меня будет два рабочих дня в сутки. Нет, я так не хочу: жить, чтобы работать. Лучше я буду работать, чтобы жить. А чтобы жить лучше, продам бревенчатый дом пять на шесть на участке, десять соток в поселке Холщево!

– В принципе правильно, – комментирует Светка мою идею. – Обратись в риелторское агентство. Пусть они туда съездят, оценят дачу, дадут объявление... И за деньгами особо не гонись. Тысяч двадцать – двадцать пять баксов – и то хлеб...

– А ты думаешь, дачка потянет на столько?

– Думаю, не меньше! Холщево – ближе Подмоскovie, сотка тысячи по две пойдет, не считая избушки... Только – я тебя умоляю! – не занимайся этим делом сама. Поняла? Ни ногой в это Холщево! Дашка там твоя эта...

Светка замолкает. Я знаю, что сейчас она вспоминает то же самое, что и я...

Апрельское воскресенье прошлого года. Пасха. Торжественно накрыт стол. Во главе стола Стив. Он мой жених и, значит, новый хозяин в доме. Жених и невеста – смешные для сорокалетних людей названия. Но мы со Стивом именно жених и невеста. И об этом официально объявляется за праздничным столом, за которым кроме нас – Светка, ее муж Роман и взрослая дочь Стива Анастасия.

Но вдруг в прихожей раздается звонок. В квартиру врывается Дашка. Врывается как вихрь, как цунами. И начинает громко и проникновенно рассказывать.

Она хочет поведать собравшимся одну историю. Действующие лица: Алла Викторовна Ермакова (то есть я), Дашкин муж Владимир Александрович Аксенов и его кузен Вячеслав. Дашка намеревается заняться моим прилюдным обличением и восстановлением справедливости. Справедливость вообще любимое слово тети Иры, и Дашка, видимо, тоже неровно дышит к нему. Итак...

Вячеслав Аксенов, попросту – Славик, молодой человек, провинциал, увидел в гостях у Дашки меня – столичную штучку, светскую львицу, почти англичанку – и влюбился без памяти. Но я играла с ним, как кошка с мышкой, дразнила, денег требовала. И даже сама подкинула идейку, как ему эти деньги побыстрее раздобыть. Идейка была, правда, криминальной, но молодой человек, потерявший голову от любви, охотно взялся за ее воплощение. Только не справился, бедняга. Да где ему, наивному, неискушенному?

А мне и горя мало: завела себе нового любовника – крутого бизнесмена. Да у меня одни деньги на уме! Она-то меня знает с детства. Мужики и деньги!

А между тем несчастный влюбленный угодил в такой переpleт, что выручать его оттуда пришлось с большим трудом. И кто, вы думаете, сделал это? Вова, благородный рыцарь, Дашкин муж. А где он взял деньги? Продал свой офис – последнее, что осталось у него после крушения бизнеса.

И теперь я, во-первых, должна вернуть им деньги за офис. Во-вторых, извиниться перед Вовой и Славиком. А в-третьих, моему новому другу стоит хорошенько задуматься, стоит ли ему иметь дело со мной.

А дальше произошло самое ужасное, парадоксальное и необъяснимое... Стив решил, что не стоит. Поднялся из-за стола и ушел.

...В принципе объяснить можно все. Любой поступок на свете имеет свои мотивации и резоны.

Дашка рассказывала абсолютно искренне – она сама на сто процентов была уверена в том, что говорит правду.

На счету у Стива не имелось никаких грязных историй. Он всегда оставался безупречным как в бизнесе, так и в личных делах. А вот я и правда попала в историю. И пусть на самом

деле история эта выглядела совсем не так, как интерпретировала ее Дашка, отрицать не стану – история была.

– Просто импульс сработал, чувство брезгливости. Деньги, криминал, молодые любовники – и все это его будущая жена! – сказала я как-то Светке, когда мы с ней в сотый раз пытались разобраться в причинах и предпосылках исчезновения Стива.

– Ах, брезгливость?! Не смейся. Он в бизнесе с начала девяностых. Такого попробовал, через такое прошел!.. И женат был дважды. И вообще насмотрелся небось на своем веку женщин... Нет, он просто испугался. Во-первых, что придется платить по твоим долгам. А во-вторых, что и после замужества вокруг тебя будут виться обезумевшие от страсти молодые люди. Испугался собственной неконкурентоспособности! Твой Стив – обычный закомплексованный мужик. А на первый взгляд и не догадаешься. Но комплексы, моя дорогая, – это болезнь, которая лечится доверием и любовью. И если бы не эта твоя Дашка, сволочь...

– В общем, к Дашке не приближайся на пушечный выстрел, – резюмирует наш разговор на дачную тему Светка. – Аксеновы тебе противопоказаны! Или они просто люди такие, излучают зло, как уран радиацию?

– Ладно тебе! Они же мои родственники.

– Учти, я больше не буду тебе помогать! Мало тебе одного раза! Вы со Стивом до сих пор как будто оглушенные взрывной волной. Ни помириться толком не можете, ничего... Кстати, как он там, не звонил больше?

Ах, как она здорово подметила! Будто оглушенные взрывной волной... Ведь мы давно простили друг друга – он мне мою причастность к истории, я – его поспешный, похожий на бегство уход. Но между нами все равно недоверие, холодность. Барьер непонимания.

Честно говоря, я до сих пор не могу до конца разобраться, почему в тот апрельский воскресный день Стив так стремительно поднялся из-за стола. Ничто не убеждает меня по-настоящему: ни закомплексованность, ни нравственный максимализм. Мой Стив, человек из мечты, Стив, с которым мы часами просиживали в машине и от которого я не могла оторвать глаз, губ, рук, мыслей, не был обременен этими дурацкими качествами. Я просто-напросто любила совершенно другого человека.

Вглядываясь в него вновь и вновь, я не могу понять, так это или нет. У него та же улыбка, тот же голос, изредка в его словах сквозит та же нежность. И все же в последнее время мы стремительно отдаляемся друг от друга, и я с этим не могу ничего поделать. А жаль. Грустно жить на свете одной, без любви и защиты.

...Ведь и в историю со Славиком и Вовой я вляпалась именно потому, что была одинокой, не нужной никому женщиной. Они решили воспользоваться моей беззащитностью и обворовать меня.

Но потом в ходе матча произошла замена. Я хочу сказать, что, ненавязчиво ухаживая за мной, Славик без труда вычислил место моей работы. А работала я тогда не в безотрадном издательстве «Иероглиф», а в элитной частной школе, и к тому же в должности директора. Славик (вместе с Вовой) подумали, что банальное воровство лучше заменить чем-нибудь поинтереснее, и похитили из школы ребенка – сына телезвезды Марлены Видовой. Надеялись, что я испугаюсь и заплачу за ребенка баснословный выкуп. А в случае чего к выплатам можно будет подключить и его мамашку.

Но я не испугалась. То есть я очень испугалась, конечно, но главное – я не сломалась. И у меня нашлись очень хорошие помощники. Ныне сотрудники дорогого охранного агентства, а в прошлом, по всей видимости, уголовные элементы. Они без труда справились со Славиком и Вовой. Андрюша Видов в тот же день возвратился в школу, а горе-шантажистам пришлось оплатить труд бригады моих спасителей.

Вова, у которого дела и так обстояли не блестяще, после этого случая разорился окончательно. Но не мог же он признаться в этом своей преуспевающей жене... В итоге родилась та самая жалостливая история, в которую охотно поверила Дашка.

А я? Меня в те времена по-настоящему интересовал один-единственный человек – Стив. Степан Давликанов. Владелец элитной частной школы и мой работодатель.

До него тоже долетали отголоски жалостливой истории. Он пытался разобраться в том, что же на самом деле произошло, и даже задавал мне какие-то скучные вопросы. Но я на его вопросы отвечать не спешила, и все наши разборки закончились завтраком с шампанским и дальнейшей полной идиллией.

...Теперь мне день ото дня становится все более ясно, что к идиллии возврата нет. Но неужели нет? Когда я этот факт осознаю до конца, у меня просто начинают подкашиваться ноги. Как на набережной сегодня. Неужели же мой Стив никогда ко мне не вернется?

– Но ведь он приходил! – неустанно напоминает Светка. – Прощения просил, объяснял.

– Да. Но ему, чтобы понять, что я не виновата, потребовались вещественные доказательства.

– Ну и что? Да ты посмотри, что вокруг творится! Хорошо, что ты смогла ему такие доказательства представить...

– Ничего я не смогла! Так сложились обстоятельства.

– И тебе, между прочим, надо было использовать эти обстоятельства и тащить в ЗАГС растерявшегося кавалера! Он же тебе предлагал...

– Не он! То-то и оно, что не он! Другой, непонятный, отчужденный... Предлагал, как будто вину загладить хотел. Не надо на мне жениться из жалости!

А может, и надо... Вспоминая себя стоящей на набережной, в вечернем туалете, на шпильках, я испытываю бесконечную жалость к самой себе. О, если бы рядом вдруг появился Стив... я бы просто умерла от счастья. Появился бы Стив, пусть отчужденный, предупредительно вежливый – каким я знаю его в последнее время. В конце концов, можно немножко схитрить и полечить его комплексы доверием и любовью, как учит Светка.

Но планы по приручению Стива и реконструкции идиллии неизбежно сталкиваются с моим собственным отчуждением.

Я и мечтаю о нашем новом сближении, и не хочу его. Все-таки Стив оказался не тем человеком, за которого выдавал себя. Или не тем, за которого я его принимала.

Я все еще не в состоянии забыть его. И груз одиночества кажется мне день ото дня все более непосильным, а то, что Стив звонит мне так редко, – почти оскорбительным.

В общем, решить я ничего не могу, но в то же время ребенку ясно, что от меня ничего особо и не зависит.

Глава 3

– Алла, доброе утро. Наконец-то я застал тебя дома!
– Странно довольно-таки... Я ведь и не хожу никуда, кроме как на работу!
– Вчера и позавчера, по крайней мере, ты просидела в своем издательстве до одиннадцати, не так ли? Тебе удлинители рабочий день?

– Да, вчера я действительно вернулась поздно. Ездила в Дубровск.

– Это где?

– В ближнем Подмосковье.

– Ну и как поездка?

– Успешно.

...Какое там успешно?! К нотариусу Никоэлян Джульетте Саркисовне очередь, как в Гражданскую войну за хлебом! Дарственную только со второй попытки забрать удалось! А в первый раз меня выставили из дубровской нотариальной конторы за пятнадцать минут до ее закрытия.

– Разобралась со всеми делами? Ничего больше не тяготит тебя?

– Нет, ничего. Спасибо, что ты обо мне беспокоишься.

– Ты же знаешь, я всегда...

– Да, Стив, я знаю. Ты очень заботливый, внимательный... Просто идеальный друг!

– Да что это с тобой сегодня случилось? Compliments мне говоришь?

– Не нравится?

– Ну уж ты слишком! Прямо как на поминках. Это только о покойнике – или хорошо, или никак.

– А живым непременно надо высказывать в глаза всякие гадости?

– Ну, скажем, не гадости, а упреки.

– Почему?

– Так естественнее.

– О, не беспокойся! Мне совершенно не в чем упрекнуть тебя.

– Опять за свое?

В голосе мягкая, еле уловимая усмешка. Абсолютно как в те, доапокалиптические времена. Я не выдерживаю. Единственное, чему я еще не научилась, – это сопротивляться воспоминаниям.

– Стив, пожалуйста, не говори со мной так. Потому что тогда...

– Как так?

– ...тогда все начнется по-настоящему.

– Что – начнется?

– Упреки, выяснения отношений... А ведь нам с тобой... нам это совсем не нужно! Мы же интеллигентные люди...

– Ты думаешь, интеллигентные люди не могут раз в жизни нормально, по-человечески поговорить?

– Да отчего же? Могут, наверное...

Продолжительная пауза.

– Почему ты так долго не звонил?

– Ездил в Германию.

– По делам?

– В общем-то по делам. Но на несколько дней задержался. В Гамбурге я случайно познакомился с соотечественниками, и меня пригласили на выставку «Современная русская икона».

– Интересно?

– Своеобразно. Так сложилось – не пойти было нельзя... Я, собственно, тебе затем и звоню.

– Вот оно что!

– Хочу пригласить тебя в иконописную мастерскую.

– Да зачем мне в эту мастерскую?

Но он не торопится удовлетворить мое любопытство, и окончательно смысл нашей поездки я прозреваю уже в машине. Ехать нам долго – до самой границы... Московской области, и Стив не спеша и, как мне кажется, с удовольствием рассказывает о своих новых знакомых – Андрее Башляеве, владельце иконописной мастерской «Богомаз», и его супруге Екатерине.

Башляев – интересный, прекрасно образованный человек. В свое время он закончил психологический факультет Московского университета. На четвертом курсе Андрею довелось пережить стресс, ставший для него началом психологического перелома. Постепенно молодой человек уверовал в Бога и начал посещать русскую православную церковь, а после окончания университета даже отнес документы в духовную семинарию.

Однако по неизвестным причинам документы у него не приняли. Тогда Башляев занялся иконописью, мечтал даже о поступлении в художественный институт, но вовремя одумался и от идеи сделаться иконописцем отказался.

Писать иконы – это вам не логотипы фирменные разрабатывать! Здесь не отделаешься ремесленными навыками – одной виртуозной техники окажется маловато. Призвание нужно, дар! Не побоимся столь громких слов. А Андрей оказался одаренным наполовину. Он кожей чувствовал настоящие вещи, а сам ничего подобного написать не мог. Однако человеком он был рассудительным и смысленным, поэтому даже половинчатая одаренность пошла ему на пользу. Андрей сделался экспертом-оценщиком, и его пригласили на работу в известный художественный салон.

Проработав несколько лет в неплохо оплачиваемой должности эксперта, Башляев смог открыть собственную мастерскую, в штате которой трудились исключительно подлинные художники. Стив, наверное, выбрал не совсем точное слово: все-таки художник – это не иконописец, но я не стала перебивать.

Вот уже несколько лет дела в башляевской мастерской «Богомаз» движутся как по маслу. Повсюду в городах и весях нашей необъятной родины восстанавливаются разрушенные при советской власти церкви (Андрей объяснил: правильно говорить – храмы). Многие, уже восстановленные, меняют убранство на более роскошное. Короче, пока с заказами в мастерской нет проблем. Казалось бы, предприимчивый владелец «Богомаза» может почить на лаврах. Ан нет! Мастерская участвует во всех православных выставках и ярмарках и даже собственные персональные выставки проводит. В этом году они впервые представляли свои иконы за границей.

– Молодцы, – тихонько вздыхаю я, дослушав до конца историю предприимчивого Андрея Башляева.

...Все как всегда. Наш разговор окончательно скатывается в спокойно-вежливое русло, в непринужденный обмен информацией. Просто в болото! Мы увязаем в этом русле от встречи к встрече, от фразы к фразе. Неужели все, что осталось у Стива ко мне, – это одна спокойная вежливость? А у меня к нему?.. Да тоже! Да! Нет... Но он так старательно истребляет во мне последние остатки чувства...

А что он, по-твоему, должен сделать? Свернуть по первой попавшейся дорожке в лес, запереть машину и повалить меня на сиденье!.. Ты же, дорогая моя, стремительно теряешь человеческий облик. И превращаешься в самку. В самку без самца!

Я внимательно разглядываю красивые, холеные руки Стива, в спокойной безмятежности лежащие на руле, и пытаюсь представить, как этими руками он будет рвать пуговицы на моей блузке, и от волнения мне становится нехорошо. Я напрягаюсь – любыми средствами мне

необходимо справиться с собой, делаю глубокий вздох с таким звуком, как будто бы Стив уже свернул с шоссе в лес: мой вздох больше походит на стон оргазма.

– Алла, что ты? Устала от дороги? Я сейчас машину останавливаю!

– Не беспокойся и, пожалуйста, продолжай. Как ты интересно рассказываешь!.. Его жена калмычка? Надо же! А калмыки – это изначально племя кочующих китайцев? С ума сойти! Вот никогда бы не сказала. А как ее зовут?.. Катя? Неинтересно... У калмыков что, русские имена, или она сменила имя, когда покрестилась?.. Не знаешь... И у детей имена русские? Иван, Николай, Алексей – да сколько же их всего? Пятеро?.. А на кого они похожи?.. На нее? С такими именами?!

Смеюсь. Громко, заразительно, правдоподобно... Чтоб он ничего не думал. А то еще, не дай бог, из вежливости завернет в лес.

Такое у нас с ним было однажды...

В тот, в наш самый последний день, в машине Стив рвал на мне застёжки и «молнии», рвался к моему телу и просил выйти за него замуж. А я чувствовала себя зачарованной, потому что именно тогда, в машине, вдруг до конца поняла, что Стив и есть тот самый человек, о котором я мечтала с юности. Да что там с юности, с младенчества, с детского сада! Едва я стала осознавать себя, как сразу же начала мечтать о нем...

Стив тогда все-таки сумел вовремя образумиться – мы вышли из машины и поднялись ко мне. Но в спальне произошло неизбежное – Стив умудрился порвать мою сиреневую атласную юбку. Правда, ему это было глубоко безразлично. В тот вечер он рвался завладеть моим телом, вписать в мой паспорт свою фамилию, говорить обо мне со мной, надо мной смеяться, баловать меня, ругать и прощать... А я – я, наверное, страстно желала, чтобы это все со мной совершалось.

И когда страсти немного улеглись, он стал рассказывать мне, какая я есть на самом деле – смешная и беззащитная, но очень хитрая и со своим сводом моральных правил, от которых я не отступлюсь даже под страхом смерти; красивая, и желанная, и противоречивая, и какая-то еще... нескончаемая, одним словом. Такая, с какой ему никогда-никогда не будет скучно...

– Ты только представь: пять детей, по виду совершенных азиатов с русскими именами.

– Здорово! Представляю... А как же, интересно, Катя управляет с этой оравой?

– Да когда как. Я бы сказал, с переменным успехом. Мне, во всяком случае, довелось быть свидетелем некоторых довольно неловких сцен... Хотя ты знаешь, сколько лет старшему, Ивану?.. Пятнадцать!.. В Москве дети время проводят в основном с няней.

– Что, и пятнадцатилетний Иван – тоже?

– Не знаю. Наверное, нет. Кстати, осенью родители собираются послать его в Кембридж.

– А торговля иконами, я так смотрю, не самый убыточный в мире бизнес.

– Здесь ведь не только иконы. Катя – известный в Москве психоаналитик. У нее тоже крутая клиентура.

– Что значит тоже?

– Как и у Андрея.

– Так Андрей же занимается украшением церквей. То есть храмов. Его клиенты – священники!

– Священники скорее заказчики. А чтобы расплатиться с башляевской мастерской, большинство из них прибегает к помощи спонсоров. Вот и я решил пополнить их ряды.

– Что ты решил пополнить?

– Ряды спонсоров. Заплатить за иконостас в храме во имя архангела Михаила в селе Ново-Никольское.

– Ничего себе!

– Мы сейчас едем в этот храм.

– А ты говорил: в мастерскую.

- В мастерскую – потом. Сначала в храм, к отцу Стефану Кручине.
- Надо же отец – тезка твой!.. Господи, Стив, а зачем тебе это? Такие деньги тратить на церковь... Ты извини, я просто не понимаю. Правда.
- Видишь ли, расходы такого характера – это своего рода пиар.
- Реклама?
- Я таким образом – через эти пожертвования – декларирую свой финансовый и общественный статус.
- Что это значит?
- Что у меня, во-первых, есть деньги, а во-вторых, что я их вкладываю в социально значимые проекты.
- Ты считаешь иконостас социально значимым проектом?
- По нашим временам очень даже значимым! Не секрет, что возрождение России в нашем обществе ассоциируют с возрождением православной церкви. Эта идея безумно популярна, ее на разных уровнях высказывают, и вот поэтому...

Я перебила его рассмеявшись:

- Стив, ну можешь ты не играть хотя бы передо мной? Ты так говоришь – как будто на пресс-конференции!

Он что-то ответил мне, тоже со смехом. Я не расслышала – мне показалось, что сейчас он все-таки свернет с трассы в лес. И он действительно свернул – на пыльную грунтовую дорогу, ведущую в деревню Ново-Никольское.

- Ты лучше подожди у ворот, – попросил Стив. – Я недолго.
- Как хочешь.
- Не обижайся. Просто ты так одета... как для загородной прогулки, а отец Стефан, говорят, строгих правил.
- Я подожду тебя, где ты скажешь. Но неужели мнение отца Стефана до такой степени важно для тебя?
- Не в том дело. Просто, если он будет плохо обо мне думать, все отстежки полетят псу под хвост. А у меня, как ты понимаешь, задача прямо противоположная.

Выйдя из машины, я послушно направилась к скамеечке у ограды храма, а Стив энергично зашагал вдоль серого оштукатуренного здания, которое больше смахивало на какую-нибудь средневековую купальню, или амбар, или мануфактуру – прародительницу фабрики, одним словом, на что-то из области феодального хозяйства, но было, по всей видимости, все-таки храмом во имя архангела Михаила. В этом я окончательно убедилась, заметив пристроенную к торцевой стороне здания колокольню, которую венчал пряничный, с золотыми звездами купол. Купол был очень кстати – без него колокольня ассоциировалась бы скорее с многократно увеличенной в диаметре трубой крематория.

«Похоже, обитатели Ново-Никольского не страдают от избытка эстетического чувства!» Произнеся про себя этот вердикт, я уселась на скамью у ограды храма, блаженно вытянула ноги и занялась ожиданием Стива.

«Протяну ноги в хорошие руки», – пошутил кто-то из наших за ужином в ресторане. От нечего делать я представила, как протяну мои нескончаемые ноги, обутые в серые замшевые сапоги, в руки Стиву. Сапоги, говоря между нами, лучше снять – остаться в серых капри, открывающих стройные икры и тонкие щиколотки. Но и капри ради такого случая можно было бы скинуть. Лучше просто: мои голые ноги в его потрясающей красоты руки!

Ежу понятно: самой давным-давно пора разруливать ситуацию! Довольно тянуть – ждать, мямлить, ходить вокруг да около! Надо просто взять и протянуть ноги. Благодаря этому моему жесту мы вернемся в точку, которую принудительно покинули год назад. В точку любви, полного понимания и безмятежного счастья.

Мне стало весело: сложнейшая в мире проблема обрела вдруг самое непритязательное решение. Простое и единственно верное. Вообще-то по жизни я привыкла рассуждать критически, но сейчас мне трудно было усомниться в предстоящем успехе. Что-то мешало. Может быть, апрельское солнышко и предательски звенящий весенний воздух? Не знаю...

От столь интересных и полезных размышлений меня отвлек пронзительный женский крик.

– Тысячу! Это на всех тысячу дали! Ну-ка давай сюда! Чево это...

– Да какую тысячу?! Полтинник...

Я обернулась и увидела Стива, возвращающегося назад вдоль серого здания. У него был усталый, немного расстроенный вид. Забыв о предосторожностях, я поспешила ему навстречу.

– Стив! Дорогой! Ты из-за чего-то расстроен?

– Иди к машине, Алена. Обсудим по пути.

Алена! Давно он так не называл меня. Я еще раз украдкой взглянула на Стива.

...Хорошо бы не только ноги, но руки, и шею. Спрятать лицо у него в ладонях, и пусть он иногда наклоняется и целует меня в затылок. А я буду сидеть замерев...

– Хочешь, я поведу машину? Мне кажется, ты устал.

– Я не устал.

– Огорчился?

– Немного.

– А с какой стати, позволь узнать, ты жертвуешь тысячи деревенским нищим? – Не дожидаясь специального приглашения, я шлепнулась на водительское место. – Уж не думаешь ли ты, что и об этом красивом жесте станут писать в средствах массовой информации?

– Алла, осторожнее! Сама видишь, какие здесь дороги... Да не жертвовал я никаких тысяч! Им вообще деньги жертвовать грех – напьются, бедняги. До положения риз налагаются.

– А как насчет отца Стефана? Он соблаговолил принять пожертвования? Или его смутил твой нравственный облик? А может, физический?

– Да нет, вроде пока ничего...

Действительно, оказалось, что Стив не первый желающий оказать материальную помощь отцу Стефану Кручине, настоятелю храма во имя архангела Михаила. До него порывались многие. Только отец Стефан не ленился и всякий раз наводил справки о гипотетических спонсорах. И получал неутешительные ответы. Криминальное прошлое, бегство от налогов, причастность к теневой экономике и громким политическим скандалам, сомнительные связи... А последний спонсор – предприниматель из близлежащего городка, – еще хуже – дерзнул иметь собственное представление об образе архангела Михаила. Бизнесмен в пух и прах раскритиковал икону, созданную башляевскими богомазами. Те обиделись. Отец Стефан оказался между двух огней и без иконостаса.

– Обо мне он уже кое-что выяснил. Так и сказал: кое-что, но не до конца.

– А что, он думает, будет в конце?! – неподдельно возмутилась я.

– Что-нибудь из вышеперечисленного. Или все вместе сразу.

– Ну давай рассуждать по порядку. Криминального прошлого у тебя нет точно. Про сомнительные связи... не знаю. Ничего сказать не могу.

– Смотря что называть сомнительными связями. Я уверен, что сомнительным он счел бы твой внешний вид.

– Штаны до колен?

– И розовую куртку... И рыжие волосы. – Стив медленно провел рукой по моим волосам.

Я удачно сориентировалась и свернула в лес.

Глава 4

До сих пор не могу понять, как это у меня получилось...

Он не рвал на мне куртку, не путался в моих застёжках и «молниях». В нем не было и следа хищной мужской ненасытности, которая так запала мне при нашем последнем свидании год назад. Моя идея скинуть сапоги и протянуть ноги в его прекрасные во всех отношениях руки, увы, так и осталась идеей. Похоже, мои ноги интересовали его не слишком. Стив продолжал гладить мои волосы, подолгу элегически грустно смотрел в глаза и лишь слегка касался губами губ...

Так он обращался со мной только после больницы. Я ведь не захотела добровольно возвращать деньги за офис, и тогда Славик решил действовать силовыми методами. Став объектом приложения грубой мужской силы, я загремела в клинику с сотрясением мозга и переломом ключицы. И вот когда я из этой клиники выписалась, Стив прибежал каяться и искать примирения.

Ну конечно, я ни в чем не виновата! Кто угодно, только не я! Вова и Славик – настоящие бандиты, Дашка – кликуша, а он, Стив, – дурак. Дурак, что усомнился во мне тогда.

Он объяснял мне это с пеной у рта, брал за руку и гладил по волосам, а я молчала, чувствуя себя задержавшейся на грани двух миров – реального и потустороннего.

О больших знаках внимания с его стороны в те дни не могло идти речи, но ведь с тех пор минул год.

Или он подспудно продолжает видеть во мне хрупкое существо, по-прежнему обретающееся на грани миров? А может, виной всему Кручина?

Я обвила руками его шею и, улучив момент, пошла в атаку – легкое прикосновение губ быстро переросло в полноценный затяжной поцелуй. Уже год никто не целовал меня по-настоящему... Успех наступления мгновенно оказался под угрозой: для обдумывания дальнейшей стратегии нужен был трезвый ум, я же поплыла, полетела в этом поцелуе, как птица в вешнем воздухе. Все, что видела, – только глаза Стива. Одной рукой он придерживал мою голову, другую положил мне на колено...

У каждого человека, говорят, есть личное пространство, и я, оказавшись в личном пространстве Стива, окончательно потеряла способность к стратегическим разработкам. Мне было очень хорошо в его личном пространстве. Деморализую где хорошо. Хотелось задержаться в этом пространстве как минимум на ближайшие сутки, а лучше – на всю оставшуюся жизнь. Но вдруг Стив мягко отстранил меня и произнес:

– Поехали, Ален. Нам надо еще успеть в мастерскую.

...Только не это! Все, что угодно, но не это! Нет!

Я собиралась сказать ему, что хочу домой, а не в мастерскую. Что мы не были вместе целый год, что я соскучилась и, наконец, что я просто его люблю, но я промолчала. В данной ситуации подобные разговоры, увы, способны вызвать одно лишь раздражение.

Я отлично понимала: мы по-разному воспринимаем происходящее. Стив сейчас занят делом, а дело для мужчины – это самое главное. Эту премудрость я постигла еще в раннем детстве. Мой отец был военным, дослужившимся в конце концов до генерала, и однажды я слышала, как мама сказала по телефону своей приятельнице:

– Всем им очень важно утвердиться в среде себе подобных, а некоторым, как моему мужу, например, кровь из носа надо быть лидером.

Чем занимался в данный момент Стив: просто ли утверждался или же штурмовал высоты лидерства, – я точно не знала, но решила, что лучше промолчать. По крайней мере, из уважения к его мужской природе.

– ...Ты представляешь, последний спонсор устроил в мастерской Башляева настоящую бучу. – Стив включил зажигание, и вскоре наша машина выехала на шоссе. – Его тоже зовут Михаилом, и он раскричался: мол, совсем не таким он видит архангела Михаила – своего небесного покровителя. Переделывайте икону, а то не буду платить! Богомазы встали в позу, а мастерской от этого одни убытки. Он ведь не только за архангела не заплатил – за весь иконостас в пять рядов... Теперь все ясно, Башляев больше Кручины был заинтересован в поиске спонсора.

– То-то обрадовался, наверное, когда встретил тебя.

– Обрадовался, выходит...

– Подумай еще раз, так ли уж тебе не терпится стать дойной коровкой?

Он промолчал – хмуро уставился на дорогу. Видно, имелись в этом споре еще какие-то аргументы, о которых мне не полагалось знать.

Ближе к вечеру приехали в мастерскую Башляева. Просторный двухэтажный бревенчатый дом, изразцовая печь, деревянная мебель в русском вкусе – широкие скамьи, сундуки, столы, покрытые ажурными белыми салфетками. В гостиной – темно-бордовый византийский ковер, в углу у икон – зажженная лампада.

– Иконы наши с Андреем венчальные, – ни с того ни с сего взялась объяснять Катя.

Я чувствовала, что она в смятении – муж бросил на ее попечение совершенно незнакомую гостью.

– У вас потрясающе стильный дом.

– Это не дом. Это офис Андрея и иконописная мастерская. А дома у нас практически нет. Если бы вы видели нашу квартирку в Москве, у вас язык бы не повернулся назвать ее домом. А когда-то, когда это все строилось, мы мечтали: здесь будет наша спальня, здесь столовая, гостиная, на втором этаже комнаты детей. Ничего не вышло!

– Почему?

– На работу далеко ездить. Ведь я работаю в городе. В выходные лечу сюда. Проклятая жизнь! Простите, впрочем, за неинтересные подробности.

– А ваши мальчики с вами?.. Стив, то есть Степан Владимирович, рассказывал: у вас пятеро детей.

– Мальчики – кто в лес, кто по дрова. Кто во двор, кто на тренировку. Среднего, Василия, чуть из школы не исключили зимой.

– Но ведь обошлось?

– Да. Нам всем был хороший урок. Вы не против пройти на кухню? Я ужин приготовить должна.

Кухня оказалась громадным, вытянутым в длину, со всех сторон застекленным помещением, почти залом.

– Мы планировали устроить здесь зимний сад, – сообщила между делом Катя.

– А кухню вы где планировали?

– Там теперь мастерская. Иконописцы работают. Скоро в доме не останется ни одной комнаты. Не то что мальчикам, мне тут будет нечего делать... Сама жизнь так складывается. Выходит, дом – это не мое. Вы знаете, больше всего на свете я люблю путешествовать! Путешествия еще ни разу не оставили меня разочарованной.

– Вам повезло. Я, например, о себе такого не могу сказать. Да и никто из моих знакомых, по-моему...

– Если бы вы побыли с нами в Германии! – При помощи резной деревянной лопатки Катя перевернула угрожающе шипящее на сковородке мясо и приветливо заглянула мне в глаза. – Если бы вы только видели эти красоты... Пусть даже для вас это была бы рабочая поездка! Вы ведь референт Степана Владимировича, я правильно понимаю?.. Удивляетесь, наверное,

откуда узнала? Ну, во-первых, мне догадаться несложно. Я ведь дипломированный психолог и практикующий психотерапевт...

Я невольно перебила Катю:

– И что ж вы поняли, как дипломированный психотерапевт?

– Многое. Например, то, что ваши отношения с Давликановым чисто деловые. Немного странно, что он не пригласил вас присутствовать при беседе с моим мужем.

– Да, странно, действительно.

– А знаете, что я вам еще скажу по секрету? – Катя сняла с плиты сковородку и снова обратила ко мне приветливо улыбающееся лицо. – Мне о вас очень много рассказывала Инга.

– А кто это – Инга?

– Да что вы, Аллочка?! Инга – подруга Степана, если хотите, его гражданская жена! Вы что же, совсем не интересуетесь личной жизнью шефа?

– Признаться, нет.

– Вот видите, как иногда бывает в жизни! Вы даже не подозревали о ее существовании на земле, а она вас от души ненавидит. Я всегда своим пациентам поговорку одну привожу. Холуй на барина три года серчал, а барин и не знал!

– И за что же гражданская жена Степана Владимировича так меня ненавидит?

– Ревнует, бедняжка. Степан, говорит, все время с ней, на работе... Она даже по имени вас ни разу не назвала, все секретарша да секретутка. Вы на меня не сердитесь – я за что купила, за то и продаю. А однажды выпили мы немного, Инга призналась: красивая она очень. Прямо глаз нельзя оторвать.

– Ну, это преувеличение. Тем более лично мы незнакомы... А скажите, Катя, у Инги со Степаном Владимировичем *это* давно?

– В том-то и дело, что нет! Только разговор между нами. Не будете про своего шефа сплетничать? Конечно, не будете – вы ведь человек-то разумный. *Это* у них недавно, с Нового года. А у Инги ну прямо клином сошелся свет. Люблю его, говорит, замуж выйти мечтаю. Пока все хорошо, только вот секретутка...

– Я думаю, за такого, как Степан Владимирович, любая мечтает выйти.

– И вы?

На этот раз в Катиной улыбке сквозила хитреца. Никуда не денетесь от классного психотерапевта – вижу вас насквозь!

– Я? Не знаю... Нет... Просто я никогда не думала об этом.

– Лукавите, Алла, ой лукавите! И ведь напрасно! А хотите, загляните в мой офис на Цветном. Хорошего жениха вам подберу!

– Я думала, вы психотерапевт.

– Вот именно! Мы с вами поговорим, все по полочкам разложим, и выяснится, что все ваши проблемы коренятся в женском одиночестве. Я только на этот случай веду базу данных. Приедете?

– Спасибо. Я над вашим предложением подумаю.

За ужином мне не елось, не пилося, не говорилось и не смеялось...

Конечно, в этой ситуации мое поведение могло быть еще более отстраненным и вызывающим – удерживал меня только страх. Катя считает меня референтом Стива. Ну и замечательно, пусть считает. Только пусть она делает это втайне от самого Стива. А главное – Стив ни в коем случае не должен догадаться, что мне известно о существовании Инги.

«Любой ценой надо сохранить инкогнито», – тупо твердила я себе весь вечер.

Пару раз мои худшие опасения начинали сбываться.

– Что это вы такая грустная, Аллочка? – громко через весь стол обратилась ко мне Катя. – Степа угнетает вас на службе? И даже по субботам вы вынуждены...

Но, на мое счастье, у Давликанова в эту минуту затрезвонил мобильник. Он встал, покинул кухню, а когда вернулся, мы уже пили чай. Я была так поглощена своими усилиями, что не обратила внимания на то, в каком настроении Стив вернулся после телефонного разговора. Это не мое дело. Пусть Инга теперь о его настроении заботится. Если будет хорошо заботиться, в итоге сможет выйти за него замуж. А я – все. Баста. Финита ля комедия!

– Пробуйте печенье, Степан, – не унималась Катя. – Знаете, откуда рецепт? Инга дала. У кого получается лучше, у меня или у нее?

– Отменное печенье, – громко заверила я, не давая Давликанову вставить слово. – Очень трудно готовится? Не очень? Рецептик дадите? Нет, лучше прямо сейчас... Да я запомню, у меня прекрасная память.

Испугавшись, что переигрываю, я замолчала и больше до конца вечера не участвовала ни в каких разговорах.

«Нужно сохранить лицо. Улыбаться. Держаться как обычно. Стив ведь знает, что мне нравится бывать на людях, заводить знакомства. Никакой скорби – он сразу поймет... Домой приеду – первым делом позвоню Светке, потом нарежусь всласть...»

Последнее испытание для меня началось в машине.

«Не молчать. Только не молчать! Какие-нибудь вопросы. Ну постарайся, ты же корреспонденткой работала! Давай! Поживее, повеселее...»

– Ну надо же! Меня угораздило напиться, – откидываюсь на сиденье рядом со Стивом, громче, чем следовало бы, хлопаю дверцей. – А Катя говорила: вино домашнее, из черно-плодки. Обманывала, наверное, как думаешь, а?

Стив молча пожал плечами, и только тут я вдруг поняла, что совсем не в тему пришла со своим моноспектаклем. Ему и без меня тошно. Наговорил ему этот Андрей чего-то неприятного. Денег попросил много, скорее всего. Стив теперь мучится вопросом, стоит ли выделки эта овчинка...

Мне стало легче – можно помолчать. Молчать, конечно, не означает расслабиться. Если я расслаблюсь, от меня такой тоской потянет, что Стив, как обычно, начнет меня жалеть. А вот этого мне точно не нужно...

Лучше я буду не о Стиве думать – лучше о Кате. Странная она какая-то – психотерапевт с университетским образованием, а манеры как у прачки или у торговки. Сплетница! Все грязное белье переворошила, всех помоями облила. И неужели находятся желающие у нее лечиться? Да она любого ославит, на весь город осрамит!

– Думаешь, Катя хороший доктор? – спросила я Давликанова, когда молчание уже угрожало сделаться неловким.

– Да как-то... А почему ты спрашиваешь?

– Просто так.

– Андрей, между прочим, посоветовал мне навестись в ее кабинет. Аккуратно так посоветовал...

– Что ты говоришь? А для чего?

– Сказал: вам тяжело даются самые простые решения, это признак начинающегося невроза, неуверенности в себе. Можете, говорит, мне как психологу верить.

– А что, действительно тяжело?

– Да нет, обычно. А если и тяжело, он этого знать не может. С ним-то мы за пять минут все уладили.

– Вы с ним договорились?! Чего же ему еще?

– А он и жене заодно делает рекламу. Есть мнительные люди, слышат: комплекс, невроз, дальше недалеко до сумасшествия... Прибегут на прием как миленькие! Тем более деньги у них есть. Спонсорством занимаются, на себя тем паче найдут. – Стив вдруг расхохотался.

– А ты знаешь, меня она тоже на прием приглашала. «Мы с вами все разложим по полочкам!»

Я неожиданно удачно скопировала Катины интонации, Стив снова рассмеялся, и мне тоже совсем не кстати сделалось смешно.

– Ловкая публика!

– Лиса Алиса и кот Базилио!

– Дик и Джейн!

– А это кто?

– Был такой старый американский фильм с Джейн Фонда ой в главной роли. Приличные люди, ученые, остались без работы, потом у них закончились деньги, и им одно осталось – пойти воровать. Куда они зашли, не помню точно, в супермаркет или в аптеку, но номер прошел, и тогда они взяли банк. Денег в один миг стало много – они решили закатить по этому поводу шикарный завтрак. Представляешь, шикарный завтрак?

– Представляю. Да не нервничай ты так!

– ...А в это время к ним в дом зашел человек в форме. Может, железнодорожник или налоговый. Зашел по какому-то делу, ну и из вежливости спрашивает: «Завтракаете?» А они думали, что пришли из полиции их арестовывать. Джейн Фонда говорит спокойненько так: «Мы обчистили ссудную кассу и потому пируем». Чиновник только рассмеялся в ответ: «Мадам шутит!» Ну, я тебе скажу, супругам Башляевым это не грозит.

– Что – это?

– Грабить супермаркеты. У них с деньгами полный порядок – был, есть и будет.

– А чем ты, собственно, недоволен?

– Как-то неприятно... Неприятно, когда тебя водят за нос.

– Очень хорошо понимаю. А кто тебя за нос провел?

– Башляевы! Мы с тобой о ком говорим? Сначала в Гамбурге они меня так искусно на эту свою выставку заманивали. Чего, мол, там только нет – и красота, и духовность, и национальные традиции. После выставки: «А не хотите ли вы эту красоту рублем поддержать?» Поддержал, так мне же еще и нахамили под занавес: без вмешательства психотерапевта вы неизбежно придете к тупику, к душевному кризису.

– А вдруг Андрей понял что-то такое... как психолог?

– Так сказал бы: на исповедь иди. Ведь, кажется, исповедью, молитвой и постом лечит душевные кризисы православная церковь. Но в том-то и дело, что на церковь я уже раскошеллся, а на Катю – пока не успел...

– Слушай, а вдруг Стефана твоя кандидатура все-таки не устроит? Вдруг он накопает сомнительные связи или... причастность к скандалам?

– Да нет, со Стефаном порядок. Звонил, отмашку дал – плати, говорит, разрешаю.

– Ничего себе, разрешаю... Значит, у них от спонсоров отбоя нет?

– У него – не у них. Отец Стефан – настоящий деловой человек. Пунктуальный, разумный, трезвый...

– Хорошие качества, только вот для священника.

– Они для всех хорошие! Человек должен видеть перед собой реальных людей, а не жить в убеждении, что кругом одни идиоты, лохи и параноики! Как этот Башляев.

– Да ладно тебе, Стив. Не сердись. И не обижайся. Сейчас все на деньгах крезанулись – ты же понимаешь. Просто не ходи на прием к Кате – и все.

За разговором мы незаметно подъехали к моему дому. Стив, как обычно, остановился со стороны набережной, выключил двигатель и вдруг – совсем неожиданно – обнял меня.

Это был выстрел в упор. Нет, хуже – атомная бомба, сброшенная на мирный город! Для чего он делает это? По-прежнему жалеет меня, некогда брошенную им, да еще побитую Сла-

виком? А может, он банально кобелирует? Дома Инга, на стороне я, на работе умопомрачительно красивая секретарша... А ты не треснешь, парень?!!

– Немедленно убери от меня руки!

– Господи, Ален, что с тобой? Мне казалось, у тебя хорошее настроение и ты, по-моему, не прочь была сама...

– Что я была не прочь?

– Ну в лесу, мне показалось...

– Ерунда! Тебе показалась! Все, Стив, спокойной ночи. Спасибо за чудесную прогулку!

– Спокойной ночи, дорогая... Спокойной ночи.

Глава 5

Всю ночь до рассвета я пролежала без сна, без движения, без слез, без чувств и без мыслей. Я хоронила свою любовь, умирала и с отвращением понимала, что все-таки не умру – встану утром и пойду на кухню готовить завтрак. Это-то и есть самое убийственное. Ведь я больше не хочу жить. Ни капельки не хочу! Не хочу, но буду... Буду. А как? Для чего?

– А для чего ты жила до этого? – выслушав мои излияния, прямолинейно поинтересовалась Светка.

– Ну, я, во-первых, надеялась... Я надеялась, что у нас со Стивом будет все хорошо в конце концов...

– А во-вторых?

– Во-вторых?.. Во-вторых, похоже, не существует. Весь последний год я жила только этим.

– Что значит жила? – не поняла Светка. – Действовать надо было, а не мечтать – ушами хлопать.

– Так я действовала...

– Надо было после очередного театра, или ресторана, или куда он там еще приглашал тебя, надо было сказать одну-единственную фразу: «Давай, дорогой, поднимемся ко мне». Все! Сейчас бы наконец-то сменила девичью фамилию на Давликанову. Это же стыд и позор – всю жизнь под девичьей фамилией жить.

– Но мне было неловко. – Я пробую оправдаться в Светкиных и, что для меня сейчас гораздо важнее, в своих собственных глазах. – А вдруг он спешит? Или... просто не хочет?

– Ты бы убедилась, что он не хочет, помучалась бы и переболела. Постепенно начала бы писать жизнь с чистого листа... Да нет. Глупости! Он хотел. Иначе зачем ему возить тебя на эти дурацкие концерты?

– Но ведь Инга появилась на горизонте в начале этого года, а наш последний выезд состоялся вчера...

– Значит, ему нужна и ты, и Инга, и красивая секретарша. Мужчине вообще нужна женщина, минимум одна, а сколько еще – неизвестно. Мужчина – он полигамен по своей природе. А ты хотела, чтобы твой Стив, красавец сорока двух лет, довольствовался платоническими ухаживаниями, культпоходами и прочей чепухой?! Получай, подруга, что заслужила!

– Как ты считаешь, а если бы вчера в машине я подыграла ему?

– Ничего бы не потеряла – я тебе гарантирую. И Инга бы ночь просидела на раскаленных углях, терзаемая муками ревности!.. Дура ты, Алка, капитальная. И старших не хочешь слушать.

– А если мне сейчас ему позвонить?

– Зачем?

– Сказать: соскучилась, туда-сюда, приезжай?

– Не приедет он! Точно тебе говорю, после вчерашнего...

– А что, вчера...

– Ты достигла пика идиотизма, – закончила Светка. – Его критической точки! В самый неподходящий момент на шею ему стала вешаться, потом, когда он созрел: отойди, не трогай меня!.. Ты кто, сбесившаяся старая дева? Это же исторические экспонаты – даже не из прошлого, а из позапрошлого века! Тебя бы в колбу и под стекло!

– Ну что ты посоветуешь? Не звонить?

– Запомни, моя дорогая: Стив – пройденный этап. Увы, как это ни прискорбно! Но надо заметить: с самого начала добыча не шла нам в руки.

Меня неприятно удивили развязные Светкины речи, однако я была вынуждена признать стопроцентную справедливость последнего ее высказывания. Кроме Вовы, Дашки и Славика, которые, сами не подозревая того, норовили встрять между Стивом и мной, существовала еще въедливая дама Элеонора, периодически опускавшая меня в глазах Стива, и Настя, его взрослая дочь, которую я долгое время принимала за его любовницу. Мы ссорились, мирились, выясняли отношения и время от времени здорово напоминали героев сказки «Лиса и журавль». И даже наша помолвка, провозглашенная назло всем бедам и врагам, закончилась банальным скандалом.

– Ты считаешь, просто не судьба?

– Вполне возможно... Два поезда, один из Москвы, другой из Петербурга, на большой скорости едут навстречу друг другу. Едут уже много лет и никак не могут встретиться. Потому что не судьба. Ясно?

– Это анекдот?

– Случай из жизни... Займись, Алка, чем-нибудь полезным.

– Чем?

– Доведи до конца ремонт квартиры, продай дачу, съезди к морю и найди себе там шикарного мужика. Поняла? Это программа максимум. Хочешь, немного ее подкорректируем? Вместо курорта приезжай ко мне в Киев.

Я положила на тумбочку телефонную трубку и спряталась под одеяло с головой. Не могу! Ремонт, курорт, мужик. Зачем это все нужно, когда я потеряла самое главное в своей жизни. Любимого человека. Стива. А я еще, дуручка, сомневалась, нужен он мне, не нужен. И пока я сомневалась, Стив встретил Ингу...

Меня душило отчаяние, сознание непоправимости совершенной ошибки и абсолютной моей беспомощности. Беспомощность представлялась мне чем-то вещественным, вроде теста. Если в тесто добавить дрожжей и поставить его в теплое место, оно начнет подниматься, вылезет из квашни... И моя беспомощность тоже росла, и ширилась, и распространялась по комнате. Мягкая и липкая, как свежее дрожжевое тесто, беспомощность лезла наружу, стекала по лицу, на губы и на глаза. Чтобы не видела мира вокруг, не дышала, не звала на помощь!

За три дня, проведенные в виртуальной борьбе с беспомощностью, я совершила единственный поступок: позвонила в «Иероглиф» и сказала Анне Игоревне, что больна. Вечером третьего дня Анна Игоревна перезвонила мне сама, суховато справилась о здоровье и сообщила, что завтра, тридцатого апреля – в последний предпраздничный день, в издательстве зарплата.

Утром я встала пораньше, вымыла голову, накрутила и поехала на работу. Впереди майские праздники – почти неделя. Что ж прикажете – с голоду умирать?

Что там ни говори, а с зарплатой в кармане жить на земле значительно веселее. После работы я решила пробежаться по магазинам, но пробежка по ходу дела превратилась в прогулку и в результате растянулась на несколько часов. В магазины я отправилась за впечатлениями, а домой вернулась с флакончиком розового лака для ногтей «Виктория Шу», набором пилочек, пенкой для умывания «Ив Роше» и туалетной водой того же производителя; белой, расшитой яркими бабочками батистовой блузкой (ручная вышивка – я не смогла пройти мимо), летней брезентовой сумочкой с аппликациями и симпатичным китайским фонариком.

Эти миленькие вещицы, собранные вместе, смотрелись довольно грустно. Налицо была все та же беспомощность: игрушки для женщины, стесненной в средствах, стареющей и одинокой. Учитывая масштабы утраты, мне следовало приобрести норковое манто в пол, бриллиантовую диадему! А здесь – фонарики, блузочки...

Но о грустном я старалась не думать. При помощи пенки «Ив Роше» смыла макияж и стала заниматься ногтями.

Зато сэкономим на маникюре! Пора становиться умнее, практичнее. Самой полировать себе ногти, вместо того чтобы раз в неделю относить по тысяче рублей в салон. Вон как хорошо получается, прямо как у профессиональной маникюрши! А после маникюра можно выпить чаю с пирожными безе. Ну что еще тебе для счастья нужно?

И тут, словно в ответ на заданный вопрос, в коридоре раздался звонок телефона.

Вот что нужно! Чтобы Стив позвонил! Сию минуту, немедленно!

Только ведь это не Стив – не думай... тысячу раз права Светка!

– Ну как, едешь завтра? – спросила басом тетя Ира. – А меня с собой не возьмешь?

– Ты дачу, тетя Ир, имеешь в виду?

– А то что же? Дачу, конечно. Во сколько ты завтра выезжаешь?

– Завтра, тетя Ир, у меня совсем другие планы, – ответила я печальным и одновременно назидательным тоном. Так умудренные жизнью взрослые говорят с маленькими детьми. Может, этот тон уже сам по себе бестактность в разговоре с семидесятипятилетней теткой, но я не смогла сдержаться – ее оптимизм действовал на меня угнетающе.

– Какие могут быть планы? – взревела тетя Ира. – Самое время делать посадки, грядки вскапывать!

– Ты уж меня прости, но грядки вскапывать я не буду, – сказала я насколько умела твердо. – Чего мне на этих грядках выращивать? Сейчас в магазинах, слава богу, все продается.

– Ну Алла! Ну как же – что? Клубнички сделаешь грядочку, огурчики, кабачки!

– Особенно кабачки! Я их вообще никогда не покупаю.

– Цветочков посадишь, – продолжала тетка, не слушая меня. – Где это видано, жить на даче и ничего не сажать?!

Сообразив, что никакие insultы не задуют в моей тетке напора и пафоса, я решила действовать осторожно и до поры до времени своих планов не разглашать.

– Ладно, там видно будет.

– Правильно! Разберешься на месте. Так во сколько ты завтра выезжаешь, а? Заехала бы за мной!

– А Даша? Разве они не поедут на дачу на майские?

– Поедут, как же! Уехали уже.

– Без тебя, тетя Ир?

– Вот так – без меня! Машина битком: Дашка, Вовка, Танечка с Женей. А Женька у нас, ты знаешь, не одна. Багажник забит продуктами, а на крыше – старый диван! Матери-то и не нашлось места!

Тетя Ира выразительно замолчала – даже на расстоянии чувствовалось, как тяжело она переживает свою отверженность.

– Не расстраивайся, – попросила я. – У них единственная возможность поехать на дачу – выходные, майские праздники. А ты вольный казак...

– Какой казак, Алла, какой казак?! – затараторила тетка. – Я на дачу перед праздниками ездила. Вылизала дом, окна все перемыла. Постели всем постелила чистые. Звоню Дарье: «Забери меня, мне надо в Москве врачу показаться». Она: «Некогда, отстань!» Нервная, сил никаких нет. Приехала все-таки. Ни слова не говоря, посадила меня в машину... А сегодня с утра, гляжу, они на дачу собираются. А я? А тебе, мать, места нет. Каково?! Дарья еще и огрызнулась: нечего мотаться туда-сюда!

– Ладно, тетя Ир, не горюй. Отвезу я тебя на дачу. Завтра утром за тобой заеду.

Собираясь с утра за теткой, я безостановочно давала себе клятвы не задерживаться на даче в Холщеве ни одной лишней минуты. Только довезу тетку до ворот...

Но у ворот встречать нас никто не торопился. Пришлось хватать многочисленные тет-кины сумки и тащить их в дом.

– Пошли-пошли. – Тетя Ира подхватила меня под руку. – Пошли, я тебе твой домик покажу.

– Да не надо, тетя Ир... В другой раз.

Но тетка не отступалась. Ей нравилась ощущать себя благодетелем, тем более и в моей избушке она тоже сделала накануне генеральную уборку.

– Две комнатки, терраска, на участке – фруктовые деревья, сорок минут до Москвы... Где бы ты еще такую дачку взяла?!

Тетя Ира положила ключи от дома на круглый деревянный стол, посоветовала мне побыстрее располагаться и, тяжело ступая, побрела назад в свои владения.

Откинув в сторону тюлевую занавеску, я наблюдала за ней в окно. Семьдесят пять... Подагра, больные суставы, плохое пищеварение, инсульт. И мне когда-нибудь будет семьдесят пять. И не когда-нибудь, а очень даже скоро, через какие-нибудь тридцать восемь лет. Вообще-то не так скоро. Полжизни еще осталось. Но что хорошего было у меня в первой половине жизни? А какие шансы, что жизнь качественно поменяется во второй?

У Стива Инга. А я люблю его. Его одного на всем свете. Как маленькая. Как сумасшедшая. Он или никто! И обязательно – он безраздельно! Не с Ингой же пополам!..

Грузная фигура тети Иры окончательно скрылась в дебрях вишневой рощи. Это во времена нашего детства была роща, а теперь – чаща. Заросли. Встретишься в этих зарослях с Вовой, он не растеряется и еще раз долбанет меня по голове. В первый раз под суд пошел один Славик, а Вове ничего – как с гуся вода.

А если в вишневых зарослях мы вдруг нос к носу столкнемся с Дашкой? Тоже мало приятного... И для меня, и для нее.

В общем, надо ехать домой, подальше от ненужных опасностей и эмоционального дискомфорта. Ехать домой и срочно обзванивать риелторские агентства.

Я вышла на крыльцо, заперла домик и бросила ключи в брезентовую сумочку с аппликацией. Пожалуй, лучше не бросать – еще потеряю! Ключи должны храниться в особом отделении – где от квартиры, там и от дачи. Вот теперь надежно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.